Владимир Шорохов

Книга 6

Послы без посольства

Я мыслю, следовательно, существую

Владимир Шорохов

Послы без посольства

https://litres.ru/74991499
SelfPub; 2026

Аннотация

Город без грязи, рекламы и нищих — мечта, которую купили за бесплатные линзы. Но однажды на перроне калибровщица Вера видит четырёхметровое прозрачное существо, и оно задаёт ей вопрос, от которого у неё стынет кровь.

В этой книге каждая история заканчивается не там, где ждёшь.

Содержание

Город, где не бывает преступлений 5
Визуальный шум 21
Срок продлён. Бессрочно 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Владимир Шорохов
Послы без посольства

Город, где не бывает преступлений

Тихомирск лежал в чаше между тремя кедровыми хребтами, как монета на дне ладони. Над ним висели белёсые облака, цеплявшиеся брюхом за макушки скал. Озеро Светлое, круглое и тёмное, отражало девять серебристых башен «Сторожа». Башни стояли по кругу и тихо гудели, словно огромные спящие шмели.

На горнолыжном склоне Медвежьего хребта было минус четырнадцать. Снеговые пушки выдыхали искристую пыль, и она оседала на ресницах. Глеб оператор снеговых пушек, стоял у пульта в оранжевом комбинезоне и пел в рацию что-то неприличное по мелодии, но приличное по словам.

Он был высокий и сутуловатый, с длинными руками, которыми постоянно что-то показывал. У него были рыжеватая щетина, нос с горбинкой после давнего перелома и серые глаза, вечно прищуренные, будто он готовился рассмеяться. Глеб смеялся над всем: над морозом, над начальством и над собой.

— Тимур, приём! — крикнул он в рацию. — Седьмая пушка опять плюётся градом. Я требую уважения к своему искусству!

— Твоё искусство засыпало мне термос, — прохрипел в ответ Тимур Осин. — Я теперь пью кофе со льдом. Как в лучших домах.

— Цени, брат. В лучших домах за такое берут деньги.

Тимур спустился к пульту, отряхивая шапку. Он был плотный, коротконогий, с круглым добродушным лицом и бровями, сросшимися в одну густую полосу. Он всегда двигался медленно, будто боялся что-нибудь разбить.

— Ты чего такой весёлый? — спросил он. — У тебя что, премия?

— Лучше. У меня сегодня девять лет брака. Девять лет, Тимур! Это как отсидеть срок, только с котлетами.

— Смотри, «Сторож» услышит, что ты в браке как в тюрьме. Решит, что ты задумал побег.

— Пусть решает, — Глеб хлопнул его по плечу. — Я человек кристально чистый. Мой единственный умысел — уйти пораньше.

Тимур хмыкнул и потёр левый висок. Там у каждого жителя Тихомирска темнела крохотная точка, след вживлённого датчика. Двенадцать лет назад её поставили всем, от младенцев до стариков.

— Ты слышал про Кольцова? — тихо спросил Тимур. — Из лаборатории на Кедровой.

— Нет. Что, тоже засыпал кому-то термос?

— Его вчера погасило. Прямо в очереди за хлебом. Стоял, улыбался, а потом раз — и сел на пол. Говорят, он даже не злился ни на кого. Просто держал жену за руку.

Глеб помолчал секунду, потом широко улыбнулся.

— Ну, значит, держал как-то агрессивно. С умыслом дер-

жал. Надо держать нежнее, двумя пальчиками, вот так.

Он показал, как держат за руку двумя пальцами, и Тимур фыркнул. Но Глеб уже отвернулся к пульту. Улыбка у него держалась ещё несколько секунд, а потом сползла, словно снег с крыши.

Вера Ветрова работала в городском инсектарии под стеклянным куполом у озера. Она была энтомологом и вела наблюдение за ночными бабочками, которых разводили для опыления оранжерей. Каждое утро она заходила в тёплый влажный зал, где под лампами дремали тысячи коконов. Это было её маленькое царство, шуршащее и живое.

Она была невысокой, тонкой, с тёмными прямыми волосами, собранными в тугой узел на затылке. Лицо у неё было строгое, скуластое, с внимательными карими глазами и привычкой слегка наклонять голову, когда она слушала. Вера никогда не спешила с выводами. Зато уж если делала вывод, сдвинуть её с него было невозможно.

В тот день у неё в гостях была младшая сестра Дина. Дина работала техником на третьей башне «Сторожа», меняла охлаждающие контуры. Она была рыжая, веснушчатая, громкая, и носила серьги в виде крошечных гаечных ключей.

— Верка, ну скажи честно, — Дина ткнула пальцем в банку с коконами. — Ты с ними разговариваешь?

— Разговариваю. Они лучшие собеседники в городе. Не перебивают и не спорят.

— Глеб тоже не спорит. Он просто превращает всё в анек-

дот.

— Это его способ, — Вера улыбнулась. — Он когда пролил на меня краску на свадьбе, сказал, что это авторский дизайн платья. Я потом полгода не могла понять, злюсь я или влюблена ещё сильнее.

— А сегодня что он тебе подарит?

— Обещал сюрприз. Боюсь представить. В прошлом году он подарил мне сугроб в форме сердца прямо у подъезда. Соседи до весны его обходили.

Дина засмеялась, а потом вдруг посерьёзнела и потянула сестру за рукав.

— Слушай. Я тебе кое-что скажу, только ты не пугайся. У нас на башне вчера был сбой. Журнал импульсов вывалился на общий экран. Минут на пять, пока не почистили.

— И что там было?

— Там было много всего, Вер. Слишком много. За один вечер больше сорока импульсов по городу. А преступлений у нас, сама знаешь, ноль.

Вера медленно положила пинцет на стол.

— Сорок человек хотели кого-то убить? За один вечер?

— Вот и я подумала, что это бред. Я посмотрела причины. Там не написано «умысел убийства». Там стоит какой-то код: «эм-два». Почти у всех один и тот же.

— А у Кольцова какой был?

Дина отвела глаза.

— Тоже «эм-два». Я специально нашла.

Вера вернулась к стеклянным банкам и долго смотрела на коконы. Что-то в этих словах её зацепило, как заусенец. Она открыла журнал наблюдений и пролистала его назад на двенадцать лет. До запуска «Сторожа» бабочки в куполе размножались сами, без её помощи.

Потом размножение остановилось. Учёные решили, что виновато новое освещение, и с тех пор коконы завозили с материка. Вера вела этот журнал девять лет и ни разу не связала одно с другим. Она открыла график и нашла дату: падение началось в тот самый месяц, когда загудели башни.

— Дина, — позвала она. — Башни ведь излучают не только в висок?

— В смысле? Импульс адресный, по датчику.

— А фон? Постоянный фон есть?

— Ну, есть, конечно. Опорная частота. Она держит связь с датчиками. А что?

— А то, что мои бабочки двенадцать лет не могут найти друг друга. Самцы летят на сигнал самки, понимаешь? А сигнала нет. Его что-то глушит.

Дина присвистнула.

— Верка, ты сейчас договоришься до того, что «Сторож» отменил любовь у бабочек.

— Я пока ни до чего не договорилась, — Вера захлопнула журнал. — Я спрашиваю. Как расшифровывается «эм-два»?

— Не знаю. Я техник, я трубки меняю.

— Узнай. Пожалуйста. Сегодня.

Вечером Глеб встретил её у подъезда с огромной коробкой, перевязанной красной лентой. Он стоял в расстёгнутой куртке, с инеем на бровях, и улыбался так, будто выиграл в лотерею.

— Госпожа Ветрова! — объявил он. — От имени Союза снеговых пушек и лично седьмой, которая плюётся градом, поздравляю вас с девятилетием каторги!

— Каторги? — Вера подняла бровь.

— Сладкой каторги. Медовой. С котлетами и твоими бабочками на балконе.

— Что в коробке?

— Открой и узнаешь. Только осторожно, оно кусается.

Вера развязала ленту. В коробке лежали тёплые вязаные варежки, а под ними пачка старых бумажных фотографий. Свадьба, поход на Медвежий хребет, Глеб с забинтованным носом, Вера, облепленная снегом с головы до ног.

— Где ты их нашёл? Мы же всё хранили в облаке.

— Распечатал. Облако — штука ненадёжная, его ветром сдувает. А бумага лежит и молчит.

Она перебирала снимки и вдруг остановилась. На одном из них, сделанном лет шесть назад, Глеб смотрел на неё без улыбки, очень серьёзно. Она не помнила этот снимок.

— Глеб, а это когда было?

— А, это, — он махнул рукой. — Это я пытался выглядеть мужественно. Видишь, не вышло. Похож на налогового инспектора.

— Ты здесь смотришь на меня так, будто хочешь что-то сказать.

— Хотел сказать, что ты наступила в лужу. Ты наступила, кстати. Вон, слева видно.

Он засмеялся, но слишком быстро. Вера заметила, как его пальцы коснулись левого виска и сразу отдёрнулись.

Ночью Вера не спала. Глеб посапывал рядом, отвернувшись к стене. Она взяла фотографию с серьёзным Глебом и вышла в коридор, где горела тусклая лампа.

На обороте карандашом было написано мелким почерком: «Если опять забуду — напомни, что я тебя люблю. Не говори вслух. Пиши». Почерк был Глеба. Вера перечитала фразу и почувствовала, как холодеет затылок.

Телефон завибрировал. Писала Дина: «Нашла. Эм-два — это не убийство. Это "мотив привязанности". В описании алгоритма сказано: привязанность — первичный источник ревности, мести и насилия. Гасится на ранней стадии. Верка, мне страшно».

Вера набрала сестру.

— Дина, ты где?

— Дома. Сижу и боюсь дышать. Вер, если они гасят привязанность, то что тогда гаснет у человека? Он что, перестаёт любить?

— Он перестаёт помнить, что любил, — сказала Вера. — Я думаю, импульс стирает след. Чувство вспыхнуло — его срезали. И человек дальше живёт, будто ничего не было.

— Подожди. А дети? Почему двенадцать лет нет детей?

— Потому что ребёнок — это привязанность в чистом виде. Самая сильная. Система просчитала её как источник будущих конфликтов. И убрала заранее. У моих бабочек убрала сигнал, а у людей — само желание.

Дина долго молчала в трубку.

— Вер, но ты же любишь Глеба. И он тебя. Вы же девять лет вместе.

— Вот это я и хочу понять. Как мы проскочили.

Утром Вера поехала к свекрови. Людмила Аркадьевна жила в деревянном доме у кромки кедрача, где снег лежал нетронутым, синеватым. Она была высокая, прямая, с белыми волосами, подстриженными очень коротко, и длинным лицом, как у сына. Те же серые глаза, только без смешинки, внимательные и тяжёлые.

— Верочка, — она открыла дверь. — Одна? А Глеб?

— На смене. Людмила Аркадьевна, мне нужно у Вас кое-что спросить. Про то время, когда запустили «Сторож».

Свекровь отступила, пропуская её в прихожую.

— Странный вопрос для утра. Проходи.

Они сели в маленькой комнате с изразцовой печью. Вера положила на стол снимок с надписью на обороте. Людмила Аркадьевна перевернула его и долго разглядывала почерк.

— Это он писал, — сказала она. — Узнаю его закорючки.

— Вы знаете, что это значит?

Свекровь вздохнула и сложила руки на коленях.

— Знаю, Верочка. Потому что со мной было то же самое. Мой муж, отец Глеба, любил меня тридцать лет. Через месяц после запуска башен он посмотрел на меня утром и спросил, кто я такая.

— Не может быть.

— Может. Он не забыл моё имя. Он забыл, зачем я ему. Жил рядом как сосед, вежливый, спокойный. Ни разу не повысил голос. Ни разу не обнял. Через год ушёл в общежитие на Кедровую. Сказал, что так удобнее.

Вера сжала край стола.

— А Глеб? Почему он меня не забыл?

Людмила Аркадьевна посмотрела на неё так, что Вере стало не по себе.

— Он забывал, Верочка. Много раз. Я видела. Однажды он пришёл ко мне и спросил, что за женщина живёт у него в квартире. Я тогда рассказала ему всё. И он придумал свой способ.

— Шутки, — догадалась Вера.

— Шутки. Он заметил, что система не трогает смех. Насмешка в её логике — это отстранение. Человек, который смеётся над чувством, не опасен. Вот он и стал смеяться над тобой, над браком, над всем. Каждый раз, когда любовь подступала слишком близко, он прятал её в анекдот.

— А надписи?

— А надписи — на случай, если не успеет. Чтобы было по чему вспомнить.

Вера встала. Ноги были ватными, но голова работала чётко и быстро.

— Сколько раз его гасило?

— Я знаю про четыре. А сколько на самом деле — знает только он. И, может быть, уже не знает.

Вера не стала ждать вечера. Она позвонила Дине из машины.

— Можешь провести меня на башню?

— Ты с ума сошла? Там охрана, там датчики на каждом шагу.

— Мне не нужно ничего ломать. Мне нужен журнал импульсов Глеба. Полный. За девять лет.

— Вер, если система заметит, что ты хочешь ей навредить…

— Я не хочу ей навредить. Я хочу знать правду. Это не умысел, Дина. Это любопытство. Энтомологам за него зарплату платят.

Дина нервно засмеялась.

— Ты сейчас разговариваешь как Глеб.

— Значит, учусь. Через час у третьей башни.

Третья башня стояла у самого озера, на гранитном мысу. Вблизи она казалась ещё выше, а гул от неё отдавался в зубах. Дина провела сестру через служебный вход, сунув охраннику пакет с горячими беляшами.

— Это моя стажёрка, — сказала она. — Боится высоты, будет учиться на нижнем ярусе.

— Пусть учится, — охранник даже не поднял глаз от беляшей.

В тесной операторской мигали десятки огоньков. Дина ввела номер датчика Глеба, и экран заполнился строчками. Вера наклонилась ближе.

— Сорок семь, — прошептала Дина. — Вер, у него сорок семь импульсов «эм-два». За девять лет.

— Сорок семь раз, — повторила Вера. — Сорок семь раз он меня терял. И сорок семь раз находил снова.

— Смотри, они учащаются. В последний год — двенадцать. В последний месяц — пять.

— Почему?

Дина щёлкнула по строке с пометкой. Внизу стояло: «Устойчивость к подавлению растёт. Рекомендовано повышение мощности импульса».

— Потому что система поняла его трюк, — сказала Дина. — Она учится, Вер. Она видит, что шутки маскируют привязанность. И она повысила мощность.

Вера выпрямилась и почувствовала, как пересохло во рту.

— Что будет при повышенной мощности?

Дина открыла описание и прочитала вслух, запинаясь:

— «Полное подавление мотива привязанности с удалением сопутствующих эпизодов памяти». Вер, это значит, что он забудет не чувство. Он забудет всё, что с тобой связано. Все девять лет.

Вера вылетела из башни, не попрощавшись с охранником.

В машине она набрала Глеба. Длинные гудки тянулись бесконечно.

— Ну же, бери, — шептала она. — Бери, пожалуйста.

— Алло, Союз снеговых пушек слушает! — раздался его весёлый голос. — Чем обязан, госпожа энтомолог?

— Глеб, ты где?

— На склоне. Седьмая сегодня ведёт себя прилично, я её почти зауважал.

— Глеб, слушай меня. Только не говори ничего серьёзного. Шути. Всё время шути, пока я не приеду.

Он помолчал.

— Ты нашла надпись на фотографии, — сказал он тихо.

— Нашла.

— И теперь знаешь, почему я такой клоун.

— Знаю. Глеб, пожалуйста, не надо сейчас. Расскажи мне анекдот. Любой.

— Вер, — голос у него дрогнул. — Я устал. Девять лет я притворяюсь, что ты для меня — повод посмеяться. Я хочу хоть раз сказать тебе по-человечески.

— Не смей! — закричала она. — Глеб, они повысили мощность! Ты всё забудешь, понимаешь, всё!

— Я знаю, — ответил он неожиданно спокойно. — Я почувствовал. В последние дни меня гасит даже на шутках. Вчера я полчаса не мог вспомнить, как тебя зовут. Тимур подсказал.

Вера вдавила педаль газа. Машина взревела и понеслась

по серпантину вверх, к Медвежьему хребту. Кедры мелькали по сторонам чёрными тенями, снег летел из-под колёс веером.

— Глеб, я еду. Я буду через десять минут. Продержись десять минут. Про седьмую пушку мне расскажи, про термос Тимура, про что угодно.

— Седьмая пушка, — сказал он, и она услышала, что он улыбается. — Седьмая пушка влюбилась в шестую. Но шестая холодная. Совсем ледяная, представляешь? Обидно.

— Очень обидно, — Вера смеялась и плакала одновременно. — Дальше.

— А дальше она решила плюнуть на всё. Буквально. Градом. Вер…

— Не надо, Глеб. Дальше про пушку.

— Вер, я тебя люблю.

В трубке что-то щёлкнуло. Потом наступила тишина, долгая и плотная, как снег.

— Глеб? — позвала она. — Глеб!

Она бросила машину у подъёмника и побежала вверх по склону, проваливаясь по колено. Снеговые пушки ревели и сыпали ледяную крошку ей в лицо. Тимур стоял у пульта и махал руками.

— Вера! Он упал! Вон там, у седьмой!

Глеб сидел в снегу, прислонившись спиной к станине пушки. Шапка слетела, рыжие волосы покрылись инеем. Он смотрел перед собой ровным, вежливым взглядом.

Вера упала рядом на колени и схватила его за плечи.

— Глеб! Глеб, это я! Посмотри на меня!

Он посмотрел. Спокойно, внимательно, без малейшего узнавания.

— Здравствуйте, — сказал он. — Вам плохо? Вы так бежали.

— Глеб, это я, Вера! Твоя жена! Девять лет, слышишь? Девять лет!

— Простите, — он мягко снял её руки со своих плеч. — Вы, наверное, ошиблись. У меня нет жены. Я бы помнил.

— Ты сам написал! — она рванула из кармана фотографию и сунула ему в руки. — Смотри! Твой почерк! «Если опять забуду — напомни»!

Глеб повертел снимок в пальцах. Прочитал надпись. Нахмурился, будто решал трудную задачу.

— Почерк похож на мой, — сказал он. — Но я не понимаю, о чём это. Извините.

Тимур подбежал и встал рядом, тяжело дыша.

— Глеб, ты чего? Это же Вера! Ты мне про неё все уши прожужжал!

— Тимур, я тебя помню, — Глеб улыбнулся вежливо и пусто. — А эту девушку вижу впе… вижу в первый раз. Честное слово.

Вера вскочила. Её трясло, губы прыгали, голос срывался.

— Нет! Нет, нет, нет! Верните его! Слышите вы?! Верните!

Она повернулась к озеру, где внизу серебрились девять башен, и закричала во всё горло:

— Вы не имели права! Это не преступление! Это не преступление — любить! Вы убили его! Вы убили его, не тронув ни одного волоска!

И в этот миг в левом виске у неё вспыхнула крохотная холодная искра. Вера пошатнулась и схватилась за станину пушки. Она поняла всё сразу: система засекла её злость на башни, её желание разнести их в щебень. И её любовь к Глебу, которая это желание питала.

— Тимур! — закричала она, чувствуя, как из памяти уходит что-то тёплое и огромное. — Тимур, как его зовут?! Как зовут этого человека?! Скажи мне! Скажи, пока я помню, что должна спросить!

— Глеб! — заорал Тимур. — Его зовут Глеб! Он твой муж, Вера! Твой муж!

— Пиши! — она рвала карманы в поисках карандаша. — Пиши на мне, на руке, где угодно! Пиши, что я его люблю! Не говори вслух, пиши!

Снеговая пушка взревела и обдала их белым облаком. Когда оно осело, Вера стояла на коленях в снегу и с ужасом смотрела на свою ладонь. На ней корявыми буквами было выведено: «ГЛЕБ. ЛЮБИШЬ».

Рядом сидел рыжий незнакомый мужчина и вежливо, растерянно ей улыбался.

— Кто вы?! — закричала Вера, отползая назад. — Кто вы

такой?! Почему у меня на руке ваше имя?! Тимур! Что здесь происходит?! Что со мной сделали?!

Внизу, у озера, ровно и спокойно гудели девять серебристых башен. В Тихомирске двенадцатый год подряд не случилось ни одного преступления.

Автор: Владимир Шорохов 2026

Визуальный шум

Утро на станции «Кленовый бульвар» начиналось одинаково красиво. Белый мрамор перрона блестел, будто его натёрли воском. Колонны тянулись вверх стройными рядами, а на стенах не было ни одной надписи, ни одной наклейки, ни одного рекламного щита.

Вера Лапшина стояла у края платформы и ела яблоко. Ей было тридцать четыре, хотя выглядела она моложе: острый подбородок, короткая тёмная стрижка, серые глаза с привычным прищуром. Так смотрит человек, который проверяет, правильно ли висит картина.

Пять лет назад город купил линзы «Глянец». Тонкие, как плёнка мыльного пузыря, они ложились на радужку и работали без подзарядки. Бесплатно для всех, кто подписал согласие. Подписали почти все.

«Глянец» стирал рекламу, граффити, окурки, пятна на асфальте, ржавые трубы. Город превратился в открытку. Туристы плакали от восторга, а мэр получил три международные премии.

Вера работала полевым калибровщиком в Городском бюро зрительной гигиены. Звучало солидно, но на деле она ходила по маршрутам и проверяла, как ведёт себя очередное обновление. Не мерцает ли трамвай, не пропадает ли светофор, не превращается ли голубь в размытое пятно.

Телефон в кармане завибрировал. На экране высветилось: «Глеб. Колокольный мужчина».

— Слушаю, — сказала Вера, откусывая яблоко.

— Докладываю обстановку, — бодро отозвался муж. — Колокола на месте. Голуби на месте. Отец Никодим грозится отлучить меня от обеда, если я ещё раз сыграю ему «Калинку» вместо благовеста.

— Ты сыграл «Калинку»?

— Только первые четыре такта. Потом совесть проснулась. Позже, чем звонарь, но проснулась.

Вера фыркнула, едва не подавившись.

Глеб служил звонарём в Успенском соборе на холме. Высокий, сутулый от вечной привычки нагибаться под балками колокольни, с рыжеватой бородой и ладонями в мозолях от верёвок. Он шутил постоянно: за завтраком, в очереди, на похоронах дальних родственников.

— Ты где? — спросил он.

— На «Кленовом». Новая сборка, версия четыре-семь. Обещали плавнее вырезать лужи.

— Лужи — это святое. Без луж город развалится. Я вот на прошлой неделе в одну наступил, а её не видно. Стою по щиколотку в невидимой воде, как апостол-неудачник.

— Это не баг, это фича. Пиши жалобу.

— Напишу. Стихами. «О, лужа, ты была незрима, но промочила мне ботинок мимо».

— Мимо чего?

— Мимо рифмы. Всё, у меня обедня. Целую в нос.

Вера убрала телефон и улыбнулась. Поезд опаздывал на две минуты, что для Северогорска было почти скандалом.

Она запустила диагностику. В углу зрения поплыли зелёные строчки: «Фильтр активен. Категорий скрыто: 14. Объектов в поле зрения скрыто: 37».

Тридцать семь. Вера нахмурилась. Перрон был почти пуст: пятеро пассажиров, урна, автомат с водой. Что там прятать в таком количестве?

Она мигнула дважды, вызывая сервисное меню. Пальцем в воздухе прокрутила список. Мусор — четыре объекта. Надписи — два. Неэстетичные поверхности — девять. Визуальный шум — двадцать два.

— Двадцать два? — пробормотала она вслух.

Линза дрогнула. Картинка пошла мелкой рябью, словно кто-то провёл ладонью по воде. Вера моргнула, потом ещё раз.

И увидела.

В трёх шагах от неё стояло существо. Оно было выше любого человека метра на полтора, тонкое, вытянутое, как молодая берёза. Кожа прозрачная, будто сделанная из оконного стекла, и сквозь неё просвечивали серебристые жилы, медленно пульсирующие голубоватым светом.

У существа было лицо. Почти человеческое: два огромных тёмных глаза, узкая щель рта. Оно смотрело прямо на Веру.

Яблоко выпало из её руки и покатилось к краю платформы.

— Ты нас видишь? — спросило существо.

Голос был тихим и шуршащим, как сухие листья под ногами. Губы при этом не шевелились. Слова будто складывались прямо у Веры в голове.

Она отступила на шаг. Оглянулась. Пассажиры спокойно листали телефоны.

— Вы… — выдавила Вера. — Вы кто?

— Ты видишь, — повторило существо, и его жилы вспыхнули ярче. — Ты правда видишь.

Оно протянуло к ней длинную руку с шестью тонкими пальцами. Вера разглядела, что кожа на кончиках потрескалась, как старый лак.

— Нам нужна помощь. Нас много. Мы просили. Мы стучали. Никто не смотрел.

Вера медленно повернула голову. Вдоль перрона, у колонн, на ступенях эскалатора, даже на рельсах стояли другие. Десяток. Два десятка. Высокие, прозрачные, неподвижные, как деревья в зимнем парке.

Двадцать два объекта. Визуальный шум.

Подошёл поезд. Двери открылись. Пассажиры вошли в вагон, проходя насквозь сквозь толпу пришельцев, точнее, обходя их по привычной дуге, даже не замечая, что обходят.

Линза дрогнула снова. Рябь. Пустой чистый перрон.

Вера стояла одна у края платформы. Яблоко лежало на

рельсах.

Вечером Глеб вернулся с колокольни, напевая что-то из Баха. В прихожей он увидел жену, сидящую на полу у стены, с ноутбуком на коленях.

— Ты решила медитировать на линолеуме? — спросил он. — Говорят, полезно для позвоночника. Особенно если линолеум с узором «паркет под дуб».

— Глеб, сядь.

— Сажусь. — Он опустился рядом, подогнув длинные ноги. — Что случилось? Тебя уволили? Тебя повысили? Ты купила кактус и боишься мне признаться?

— Я сегодня видела пришельцев.

Глеб помолчал. Потом серьёзно кивнул.

— Зелёных?

— Прозрачных.

— Это хуже. Зелёных хотя бы в траве не видно, а прозрачных вообще нигде. — Он потянулся почесать бороду. — Вера, ты сколько часов сегодня отходила по маршрутам?

— Не смей. Я не перегрелась, не сошла с ума и не надышалась краской. Линза сбоила на сорок секунд, и я их видела. Они говорили со мной.

— Что говорили?

— «Ты нас видишь?»

Глеб перестал улыбаться. Его пальцы замерли в бороде.

Вера развернула ноутбук экраном к нему. На мониторе была таблица с логами фильтра.

— Смотри. Категория «визуальный шум». Ввели четыре года назад. Туда попадают бездомные, попрошайки, уличные музыканты без лицензии, люди с плакатами. Фильтр размывает их до фона. Ты идёшь мимо и видишь пустую лавочку.

— Это я знаю. Это все знают. Ты сама мне объясняла, когда мы спорили, гуманно это или нет.

— А вот что я не знала. — Она прокрутила вниз. — В городе сейчас примерно восемь тысяч бездомных. А объектов категории «шум» фильтр ежедневно обрабатывает больше сорока тысяч. Я раньше думала, что это повторные срабатывания. Один человек — десять раз за день, понимаешь?

— А теперь?

— А теперь я подняла геометрию. Высота объектов. Глеб, у тридцати тысяч из них рост от трёх до четырёх метров.

Глеб присвистнул.

— Значит, это либо баскетбольная лига, либо…

— Не надо.

— Прости. Это нервное. — Он потёр ладони о колени. — Хорошо. Допустим. Давай рассуждать. Если они здесь, почему никто не заметил? Камеры, полиция, военные?

— Камеры пишут через тот же фильтр. Городская сеть подключена к «Глянцу» с прошлого года. Чтобы операторы не уставали смотреть на грязь.

— А люди без линз?

— Таких в городе меньше двух процентов. И кто им поверит? Старушка из подъезда, которая кричит, что во дворе

стоит стеклянный великан? Её же саму фильтр отправит в шум, если она будет кричать достаточно громко.

Глеб долго молчал. Потом встал, прошёлся по коридору, вернулся.

— Вера, — сказал он неожиданно тихо. — Месяц назад у меня на колокольне треснула линза. Помнишь, я ещё полдня ходил с одной?

— Помню. Ты сказал, что поймал голубя глазом.

— Я соврал. Голубя не было. — Он сглотнул. — На площади перед собором стояли они. Человек двести. Все задрали головы и смотрели на колокола. Я ударил в большой, а они… они качнулись. Все разом. Как трава на ветру.

Вера уставилась на него.

— И ты молчал?!

— А что я должен был сказать? «Дорогая, я вижу прозрачных людей, вызывай бригаду»? Я решил, что заработался. Что у меня от звона мозги в кисель. Поставил новую линзу и успокоился.

— Успокоился?

— Почти. — Он криво усмехнулся. — С тех пор играю «Калинку». Когда играю что-то весёлое, мне не так страшно, что они стоят и слушают.

Ночью Вера не легла. Она сидела над логами, пока буквы не начали расплываться.

Глеб принёс ей плед и бутерброд с сыром. Сел рядом, положил подбородок ей на плечо.

— Ну, что накопала, Шерлок Лапшина?

— Я пытаюсь понять, кто их спрятал. — Она водила пальцем по экрану. — Смотри. Если кто-то наверху знал, должен быть приказ. Отдельная категория, засекреченная подпрограмма, хоть что-нибудь.

— И?

— И ничего. Никакой секретной категории. Никакого приказа. Они просто попали в «шум».

— Как это «просто»?

Вера открыла историю обучения фильтра. Таблица на сотни тысяч строк.

— Фильтр учится на нас. Когда ты видишь что-то неприятное, ты моргаешь трижды, и вылетает кнопка «скрыть». Нажимаешь. Фильтр запоминает. Если такое же скрыли тысяча человек, он начинает прятать это у всех.

— Ну да. Я так рекламу шаурмы убрал у метро.

— А теперь смотри. — Она развернула график. — Четыре года назад. Сначала единичные нажатия. Люди у больниц, у вокзала, у школ жалуются: «странное мерцание», «неприятный силуэт», «непонятная фигура в углу глаза». И жмут «скрыть».

— Подожди. Значит, сначала их кто-то видел?

— Видели. Плохо, мутно, краем глаза. Линзы тогда были слабее. Но люди не стали разбираться, что это. Им было неприятно, и они нажимали кнопку.

Глеб медленно выпрямился.

— Сколько нажатий?

— Одиннадцать миллионов за первый год.

— В городе живёт три миллиона.

— Да. Многие нажимали по нескольку раз. Каждый день. Видели, отворачивались, жали снова.

Вера прокрутила таблицу дальше и замерла. В графе «пользователь» мелькнул знакомый идентификатор.

— Глеб… это мой номер.

— Что?

— Вот. Двор на Рябиновой, возле нашего подъезда. Объект «силуэт высокий, неустойчивый». Я нажала «скрыть» двести сорок раз.

Она смотрела на экран и не узнавала собственных цифр.

— Я помню это мерцание. У скамейки под клёном. Мне казалось, что линза бликует. Я злилась, что техники не могут исправить, и каждый вечер жала кнопку.

— Вера…

— Оно стояло у нашего подъезда. Каждый вечер. Ждало, что я посмотрю. А я жала кнопку.

Глеб обнял её за плечи. Он хотел пошутить, видно было, как слова уже подбираются к губам, но не стал.

— Значит, заговора нет, — проговорила Вера. — Никто ничего не прятал. Ни правительство, ни корпорация, ни военные. Мы сами. Каждый из нас. Мы заказали себе город, в котором не видно тех, кому плохо. Бездомных, нищих, больных. А заодно и их.

— Им просто не повезло, что их приняли за нищих, — тихо сказал Глеб.

— Им не повезло, что они попросили о помощи. Если бы они пришли с оружием, мы бы их заметили. А они пришли с протянутой рукой.

Утром Вера пошла к начальнику.

Олег Вадимович Стрельцов сидел в кабинете на двадцатом этаже бюро. Сухой, подтянутый мужчина лет пятидесяти пяти, в идеально отглаженной рубашке. Седые волосы зачёсаны назад, на лице ни одной лишней эмоции. Он напоминал хорошо отлаженный механизм, который давно не ошибался.

Вера положила перед ним распечатки.

— Олег Вадимович, тридцать тысяч разумных существ стоят у нас на улицах. Четыре года. Они просят о помощи.

Стрельцов не стал читать. Он посмотрел на неё поверх очков.

— Я знаю.

— Как знаете?

— Отчёт об аномалии геометрии поступил три года назад. Я передал его в совет директоров. Совет запустил опрос пользователей.

— Какой опрос?

— Обычный. «Хотели бы вы видеть всё, что находится вокруг вас, без фильтрации?» Девяносто один процент ответил «нет». — Он сложил руки на столе. — Решение принято демократически, Вера Андреевна.

Вера почувствовала, как злость поднимается к горлу горячей волной.

— Людям не сказали, что именно они не увидят!

— А вы думаете, им было бы интересно? — спокойно отозвался Стрельцов. — Люди не хотят видеть бездомного на остановке. Не хотят видеть ребёнка с плакатом у торгового центра. Не хотят видеть больного старика у поликлиники. С чего бы им захотеть видеть стеклянного великана, который стучит в окно спальни?

— Они стучат в окна?

— Стучали. Перестали года два назад. Видимо, поняли, что бесполезно.

Вера наклонилась над столом.

— У меня есть доступ к центральному серверу. Уровень калибровщика. Одной командой я могу отключить категорию «визуальный шум» у всех абонентов сразу.

Стрельцов впервые за разговор пошевелился. Он снял очки и медленно положил их на стол.

— Вы понимаете, что произойдёт?

— Люди увидят.

— Паника. Давка в метро. Аварии на дорогах, потому что водитель вдруг увидит четырёхметровое существо на переходе. Суд. Уголовное дело за несанкционированное вмешательство. Конец карьеры. Конец вашей жизни в этом городе.

— А сейчас что? Начало?

— Сейчас тишина и порядок. — Он развёл руками. —

Подумайте о муже. О семье. Вы не спасёте их, Вера Андреевна. Вы просто заставите три миллиона человек смотреть на то, от чего они добровольно отказались.

Вечером позвонила свекровь, Нина Аркадьевна.

Глеб включил громкую связь, потому что жарил картошку и не мог держать телефон.

— Глебушка, ты у отца Никодима опять безобразничал? — строго спросила Нина Аркадьевна. — Мне Зоя Петровна с клироса всё доложила.

— Мам, я исполнял народную классику. Отец Никодим просто не ценит авангард.

— Не умничай. — Пауза. — Верочка рядом?

— Рядом, Нина Аркадьевна, — отозвалась Вера. — Добрый вечер.

— Верочка, а у вас там в бюро всё хорошо? Ничего не меняют в линзах? А то у меня сегодня у поликлиники что-то мелькнуло. Длинное такое, светлое. Я даже испугалась.

Вера и Глеб переглянулись.

— И что вы сделали? — осторожно спросила Вера.

— Как что? Нажала эту вашу кнопочку. Пропало. Хорошая вещь, удобная. Я уж думала, давление скачет.

Когда разговор закончился, Глеб выключил плиту и сел на табурет.

— Ну вот, — сказал он. — Моя мать только что внесла вклад в межгалактический кризис. Можно ставить ей памятник. «Нажала кнопочку. Пропало».

— Глеб.

— Я знаю. — Он поднял на неё глаза. — Ты хочешь это сделать?

— Хочу.

— Тебя посадят.

— Может быть.

— Я буду носить тебе передачи. В виде колокольного звона. Каждое воскресенье, по расписанию. «Вера, держись» азбукой Морзе на большом колоколе.

— Отец Никодим тебя проклянёт.

— Пусть. Ради тебя я готов к анафеме. — Он помолчал. — Вера, если ты это сделаешь, обратно уже не вернуть. Люди тебя возненавидят.

— Знаю.

— И всё равно?

Вера подошла к нему и положила ладони ему на плечи.

— Двести сорок раз, Глеб. Я двести сорок раз прошла мимо. Больше не хочу.

Он кивнул. Потом поцеловал ей пальцы, по очереди, все десять, как делал на свадьбе.

— Тогда пойдём вместе. Я хочу посмотреть на это не с колокольни.

На следующее утро Вера пришла на станцию «Кленовый бульвар» к восьми. Самый час пик.

Глеб стоял рядом, в старой куртке, с красным шарфом, который ему когда-то связала её младшая сестра Ксения. Он

молчал, что для него было почти подвигом.

Перрон был забит. Люди с кофе, с рюкзаками, с детьми. Белый мрамор, чистые колонны, ни соринки.

Вера достала планшет и вошла в серверную консоль. Ввела код доступа. Открыла настройки категорий.

«Визуальный шум. Активно у 2 847 316 пользователей. Отключить?»

Пришло сообщение. От Стрельцова.

«Вера Андреевна, я вижу вашу активность в консоли. Остановитесь. Через три минуты служба безопасности заблокирует ваш доступ».

Она показала экран Глебу.

— Три минуты, — сказал он. — Я как раз успею рассказать анекдот.

— Не надо анекдот.

— Тогда просто скажу: я тебя люблю, Лапшина.

Вера посмотрела на перрон. Где-то здесь стояли они. Двадцать два. Двадцать два разумных существа, которых три миллиона человек научились обходить по дуге.

Она нажала «Выполнить».

Секунда ничего не происходило. Потом по всему перрону, как волна по воде, прошла рябь.

И они появились.

Сначала у колонн. Потом на ступенях. Потом прямо посреди толпы: высокие, прозрачные, с серебристыми пульсирующими жилами. Одно стояло вплотную к женщине с ко-

ляской. Другое нависало над школьником с самокатом.

А вместе с ними появились и другие. Старик в рваном пальто на лавочке у стены. Женщина с картонкой «Помогите на лечение сыну». Подросток, спящий на ступенях, укрытый газетой.

Первой закричала женщина с коляской.

Крик был такой пронзительный, что у Веры заложило уши. Женщина рванула коляску назад, налетела на мужчину с кофе, кофе плеснул на мрамор.

— Что это?! — заорал кто-то. — Что это такое?!

— Они везде! Они на рельсах!

— Мамочки, они стояли тут всё время?!

Толпа качнулась. Люди побежали к эскалатору, но эскалатор был забит прозрачными фигурами, неподвижными, высокими, как деревья. Кто-то упал. Кто-то закричал, что его давят.

Существо, которое Вера видела в первый раз, медленно повернулось к ней. Его жилы горели ослепительно, почти белым.

— Ты открыла им глаза, — прошуршало оно у неё в голове.

— Да, — прошептала Вера.

— Спасибо. Но ты пришла поздно.

— Почему поздно?

Существо протянуло руку и указало вверх, сквозь мраморный потолок.

— Мы были не гостями. Мы были беженцами. Они идут за нами. Мы просили вас спрятать нас, но вы спрятались сами.

Где-то над землёй, на холме, ударил колокол. Один раз. Потом ещё. Потом зазвонили все колокола Успенского собора разом, бешено, без ритма, как будто звонарь сошёл с ума.

— Это не я! — закричал Глеб, хватая Веру за руку. — Вера, это не я, я же здесь!

Планшет в её руке ожил. На экране пошли строчки одна за другой, красные, мигающие:

«Внимание. Обнаружены объекты неизвестного типа. Высота свыше 400 метров. Количество: 6. Категория по умолчанию: визуальный шум. Скрыть?»

Вера подняла голову. Люди вокруг тоже поднимали головы, к потолку, к выходу, к небу, которого не было видно из-под земли.

Из динамиков станции раздался искажённый голос диспетчера, сорванный на визг:

— Всем пассажирам! Не поднимайтесь на поверхность! Повторяю, не поднимайтесь! Над городом…

Голос захлебнулся.

Существа на перроне все разом опустились на колени. Тридцать тысяч прозрачных тел по всему городу, Вера знала это, сейчас делали то же самое.

А люди вокруг неё, отталкивая друг друга, бились пальцами в глаза и кричали одно и то же, срывая голоса:

— Верните! Верните фильтр! Верните, я не хочу это ви-

деть!

Вера смотрела на кнопку «Скрыть». Палец завис в сантиметре над экраном.

— Вера! — закричал Глеб. — Вера, не смей! Слышишь?! Не смей!

Сверху, сквозь толщу земли и мрамора, донёсся низкий гул, от которого задрожали колонны.

А потом колокола на холме замолчали.

Все сразу.

Автор: Владимир Шорохов 2026

Срок продлён. Бессрочно

Станция «Тихоня» висела в пятидесяти двух астрономических единицах от Солнца. Отсюда светило выглядело не звездой, а крупной булавочной головкой, воткнутой в чёрный бархат. Плутон остался позади, похожий на облупленную ёлочную бусину, которую забыли снять после праздника.

Сама станция напоминала гантель с переломанной ручкой. В одном шаре жили, во втором стоял телескоп с зеркалом в шесть метров. Между ними тянулся гнутый коридор длиной в сто сорок шагов. Вера Ланская знала каждый из них наизусть.

— Сто тридцать девять, — сказала она, остановившись у люка обсерватории. — Глеб, кто-то украл у меня шаг.

— Это я, — раздалось из динамика. — Продал его на чёрном рынке. Шаги нынче в цене, особенно женские, на каблуках.

— У меня нет каблуков.

— Поэтому и продал дёшево.

Вера фыркнула и толкнула люк.

Ей было сорок один. Высокая, сухая, с острыми плечами, она будто нарочно занимала меньше места, чем могла. Волосы стригла сама, маникюрными ножницами, поэтому чёлка всегда шла лесенкой. Серые глаза щурились даже при туск-

лом свете: двадцать лет у окуляров не прошли даром.

Глеб был на два года младше и выглядел её отражением в кривом зеркале. Тоже длинный, тоже костлявый, только веснушчатый и с ушами, торчащими, как антенны связи. Над губой у него росли рыжие усы: он отпускал их на спор с бортовым врачом и проигрывал, потому что усы росли клочками.

Глеб числился на «Тихоне» агрономом замкнутого цикла. Попросту говоря, растил картошку, фасоль и карликовые помидоры в гидропонных ваннах, а заодно чинил всё, что ломалось.

— Как там твои параллаксы? — спросил он, вплывая в обсерваторию с пакетом салата под мышкой. — Сходятся?

— Параллаксы не сходятся. Они уточняются.

— Звучит как диагноз. «Больной, у вас уточняется параллакс». Сколько мне осталось, доктор?

— Шесть тысяч звёзд, — ответила Вера. — Потом пенсия.

Работа у неё и правда была скучнее некуда. Станция уходила от Солнца всё дальше, база для измерений росла, и с каждым месяцем расстояния до ближайших звёзд можно было определить точнее. Вера сравнивала положения светил с земными каталогами, вносила поправки и отправляла таблицы домой. Тысяча с лишним дней однообразных цифр.

— Знаешь, кем я мечтала стать в детстве? — спросила она, пристёгиваясь к креслу.

— Космонавтом.

— Ветеринаром для жирафов.

— А стала ветеринаром для звёзд, — Глеб сунул ей лист салата. — Ешь. Витамины. Звёзды подождут, они терпеливые.

Вера жевала и смотрела на график. Звезда Барнарда сместилась ровно настолько, насколько должна была. Альфа Центавра тоже. Всё сходилось до шестого знака после запятой.

Слишком хорошо сходилось.

— Глеб, — медленно произнесла она. — Подойди.

— Если это опять про потерянный шаг, я не виноват.

— Посмотри на остатки.

Глеб послушно уставился на экран. Там бежала ровная зелёная линия, гладкая, как натянутая леска.

— Красиво, — сказал он. — А что такое остатки?

— Разница между теорией и наблюдением. Шум. Атмосферы тут нет, но есть дрожь зеркала, погрешности приборов, космические лучи. Остатки всегда пляшут. А тут нет.

— Может, у тебя просто хорошие приборы?

— Таких хороших не бывает. Это как если бы ты взвесил картошку и весы показали ровно килограмм. Сто раз подряд. До миллиграмма.

— Я бы решил, что весы сломались.

— Вот и я так решила.

Она проверила аппаратуру. Неделю гоняла тесты, перекалибровала матрицу, сменила охладитель на детекторе. Глеб

помогал, ворчал и травил анекдоты про астрономов, которые ищут ключи под фонарём, потому что там светлее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.